

А. А. КИСЕЛЕВ (Минск)
ФЕНОМЕН «ЗАПАДНОРУСИЗМА»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н. Н. УЛАЩИКА

В отечественной историографии распространена мысль о прямой государственной и, шире, политической преемственности между Российской империей и СССР. Для Белоруссии эта непрерывная государственная традиция выражалась в ликвидации белорусов как самобытного этнокультурного явления, причем обоснованием такой политики стал «западнорусизм». В частности, в энциклопедической тематической статье последний определяется как политическая идеология, вдохновлявшая внутреннюю политику Российской империи и СССР в Белоруссии¹. Поскольку энциклопедии, как правило, выражают наиболее распространенную, но не общеобязательную, точку зрения на предмет, то представляет интерес вопрос об оценке западнорусизма таким видным представителем белорусской историографии, как Н. Н. Улащик. В своей научной деятельности он специально не изучал историю западнорусизма как этнокультурного, общественно-политического явления, однако его отношение к этому феномену возможно реконструировать. В своих воспоминаниях историк писал, что до середины 30-х гг. XX в. на официальном уровне клеймили «вялікадзяржаўны рускі шавінізм, які стараецца прыгнясці ўсе нерускія народы СССР»². Само слово «патриотизм» было признано реакционным и контрреволюционным, ассоциировалось с белым движением и Российской империей. Со второй половины 30-х гг. XX в. термин был возвращен в государственный обиход, вместе с тем специально оговаривалось, что советский патриотизм не имеет ничего «агульнага з патрыятызмам даўнейшым»³, то есть с дореволюционным русским патриотизмом. Однако Н. Н. Улащик был убежден в том, что русский «вялікадзяржаўны шавінізм» стал действительным содержанием советского патриотизма и, следовательно, вел дело к национальному угнетению. Несмотря на внешнюю антисоветскую направленность этого высказывания, данное суждение историка на самом деле не выходит за рамки советской идеологии. Следует отметить, что исторические представления Н. Н. Улащика по белорусскому вопросу, как представляется, сформировались под значительным воздействием советской политики «белорусизации». Советский интеллигент полностью разделял пропагандистские лозунги о страшном политическом угнетении со стороны «реакционного самодержавия», этой «тюрьмы народов». В политических условиях БССР исторические представления «нового человека» дополнялись тезисом о «нацыянальна-прыгнятанай» стране, которая находилась в «стадыі нацыя-

нальнага адраджэння» отдельной белорусской нации⁴. Только революция 1917 г. и гибель Российской империи ликвидировали «нацыянальны ўціск» белорусского населения. Интересно, что официальная идеология «белорусизации» во многом совпадает с идеями публицистов «Нашей нівы», идеологами белорусского национального проекта. Это не случайно, поскольку большевицкая идеология сознательно протянула связь лишь с незначительной частью левацки настроенной интеллигенции из числа членов БСГ, белорусских сепаратистов. В частности, в 20-х гг. XX в. на высшем партийном уровне специально подчеркивалось, что деятельность «беларускага нацыянальнага “адраджэння” — самавызначэння» имела «сапраўды рэвалюцыйна-дэмакратычны і нацыянальна вызваленчы характар»⁵.

В воспоминаниях Н. Улащик отмечал неприятие политики «белорусизации» со стороны местного православного духовенства, значительной части интеллигенции, в особенности преподавателей, а также отсутствие активной поддержки этой политики среди белорусского крестьянства, то есть главного объекта «белорусизации». По словам мемуариста, «беларускае, усё, што абвяшчалася дзяржаўнай палітыкай, старыя настаўнікі і наогул інтэлігенты сустракалі як нешта недарэчнае, непатрэбнае, як вульгарызацыю»⁶. Православное духовенство, противившееся белорусизации, автор воспоминаний называет «рэакцыйным»⁷. Среди местной интеллигенции «варожасць ... да беларускасці»⁸ была распространенным настроением. Причиной этой враждебности, по мнению автора воспоминаний, являлись, как не странно, русские, которые «былі вялікадзяржаўнікамі»⁹. Самое интересное, что историк в этом замечании оказался прав, поскольку большинство интеллигенции действительно считало себя русскими. Однако он не сказал главного: русскими

«вялікадзяржаўнікамі» были в большинстве случаев этнографические белорусы, а не уроженцы великорусских губерний. Впоследствии, характеризуя издательскую деятельность Виленской археографической комиссии, Н. Н. Улащик в одной из самых известных своих работ по белорусскому источниковедению писал, что российским правительством «прилагались все усилия к тому, чтобы доказать, что они (белорусы. — А. К.) вообще не существуют»¹⁰. Однако это, далеко не бесспорное, утверждение о внутренней политике российских властей в «Северо-Западном крае» вступает в противоречие с его же собственными наблюдениями за этнической идентификацией белорусского населения в начале XX в. Так, в воспоминаниях он отмечал, что национальная принадлежность белорусского крестьянства «грунтавалася на рэлігіі: рускі — значыцца, праваслаўны, паляк — католік»¹¹, причем такая этничность навязывалась не сверху, а существовала как элемент обыденного, массового сознания.

Н. Н. Улащик поддерживал мнение о том, что со второй половины 30-х гг. XX в. начинается «русификация» и борьба с белорусской культурой¹². Вместе с тем это представление полностью искажает сущность национальной политики советского государства. В СССР происходило не «обрусение», то есть формирование «большой русской нации» (термин А. Миллера), а проводилась политика советского интернационализма, репрессировавшего «национальное» не ради другого «национального», а ради советского «морально-политического» единства. В принципе еще в годы белорусизации официозные идеологи четко сформулировали, что политика в БССР направлена на создание «новой нацыянальнай па форме, пролетарскай па зместу, культуры»¹³.

Таким образом, историк не только рассматривал западнорусизм в рамках советских идеологических установок, но и перенес эти представления на оценку советской национальной политики. «Вялікадзяржаўнікі», в том числе и западнорусская интеллигенция, были в одинаковой степени чужды как большевикам, так и белорусской интеллигенции советской формации, к которой принадлежал и Н. Н. Улащик.

¹ Каўка А. А. Заходнерусізм // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мінск, 1996. Т. 3. С. 417—418.

² Улашчык М. Хроніка // Выбранае. Мінск, 2001. С. 370.

³ Там же. С. 371.

⁴ Кнорын В. Аб рашаючых «дробязях» у вялікім пытанні // За культурную рэвалюцыю. Мінск, 1928. С. 69.

⁵ Там же.

⁶ Улашчык М. Хроніка // Выбранае. С. 328.

⁷ Там же. С. 375.

⁸ Там же. С. 329.

⁹ Там же.

¹⁰ Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 10.

¹¹ Улашчык М. Хроніка // Выбранае. С. 371.

¹² Там же.

¹³ Кнорын В. Аб рашаючых «дробязях» у вялікім пытанні // За культурную рэвалюцыю. С. 79.